

Екатерина Мордвинцева

ИЗМЕНА
Жена на
ПОЛСТАВКИ

Екатерина Мордвинцева

Измена. Жена на полставки

<https://litres.ru/74211537>

Аннотация

Сорок пять лет. Юбилей. Любящий муж. Счастливая семья. В один вечер рухнуло всё. Светлана застала мужа с любовницей в туалете ресторана, когда вела туда внучку. Измена, ложь, предательство и чемодан в руке. Она ушла, чтобы больше никогда не вернуться. Но куда идти, когда даже сын выставил за дверь? На помощь приходит тот, от кого она не ждала — её начальник, холодный и неприступный Олег Гурьянов. Он приютил её, защитил, дал надежду. Но у всего есть цена. Олег любит её пятнадцать лет. И теперь не отпустит.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	25
Глава 3	44
Глава 4	63
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Глава 1

Бабушка! Бабушка!

— Бабушка! Бабушка! — теребила меня за подол платья Софа. Ее маленькие пальчики с розовыми наклейками на ногтях — Алла и это успела сделать, пока я внучку дожидаться не могла — вцепились в ткань так, будто от этого зависела ее жизнь. — Я писать хочу.

Я наклонилась к внучке, поправила выбившуюся из косички прядь. Софушка сегодня была особенно хороша — в белом платице с рюшами, которое я купила ей на прошлой неделе. Алла, конечно, скривилась: «Светлана Витальевна, зачем вы балуете ребенка? У нее и так гардероб ломится». Но я-то знала: у Софы в том гардеробе одни бренды, в которых гулять по парку не побегаешь. А мое платье — из хлопка, удобное, с кармашками для камешков и фантиков. Бабушкино платье.

— А что ж тебя мама не сводила? — спросила я, хотя ответ знала заранее.

Софа надула губки, точь-в-точь как ее мать, когда та недовольна.

— Они там с папой разговаривают. Сказали к тебе идти. Вот же мамашка! Не может ребенка сама в туалет отвести. Повезло мне со снохой. Мало того, что из сына веревки вьет — Коля раньше цветы мне дарил без повода, а теперь только

по списку, составленному Аллой, — так еще и внучку то на няньку, то на меня сплавляет. А Коля тоже хорош — во всем жене потакает. Вот Алла на шею ему и села. Только и знает, что по салонам и фитнес-залам шляется. И всем же плевать, что у меня сегодня юбилей. Сорок пять — не шутка.

Я покосилась на стол, где уже собрались гости. Галка с Витькой, моя мама (которая, кстати, пришла с новым ухажером — пятым за последние два года), соседи снизу, которые принесли торт с надписью «Светлана, ты наша звезда», коллеги с работы... много людей. И все смотрят на меня, ждут тоста, улыбок, праздника.

А мне хотелось плакать.

Почему-то именно сегодня, в день, когда все должно быть хорошо, я чувствовала себя особенно пустой. Сорок пять. Половина жизни уже прожита. А что я имею? Работу, которая высасывает силы; мужчину, который, кажется, давно смотрит сквозь меня, а не на меня; двух сыновей, которые выросли и стали чужими; внучку, которую люблю больше всего на свете, но вижу реже, чем хотелось бы.

Попыталась отыскать взглядом мужа, но его как назло в зале не оказалось. Эх, придется самой.

— Светочка, ну куда же ты? — придержала мою руку подруга. Галка была сегодня в своем репертуаре — ярко-красное платье, губы в тон, волосы уложены в высокую прическу. Она всегда умела быть в центре внимания, даже когда не старалась. — А только тост произнести собралась.

— Гал, погоди. Сейчас Софью в туалет свожу и вернусь.

Подхватив внучку на руки — тяжелая уже стала, третий класс, не маленькая, но я все равно люблю ее носить, пока спина терпит, — пошла с ней в сторону уборной ресторана. Заведение было недешевым, Толик настоял: «Юбилей — раз в жизни, Света. Не в кафешке же отмечать». Внутри все пахло деревом и дорогим парфюмом, официанты скользили бесшумно, как тени.

А я чувствовала себя не в своей тарелке. Слишком роскошно, слишком пафосно. И деньги, которые Толик потратил на этот вечер... Я видела чек, когда он случайно оставил его на столе. Мы могли бы съездить на море всей семьей. Но кому какое дело до моих желаний?

— А дедушка обещал меня в зоопарк свозить на выходных, — хвалилась Софа по пути, болтая ножками.

— Обещал, значит, сводит, — улыбнулась в ответ, про себя выругавшись.

Толик всегда только и обещает, а вот выполнять обещанное почему-то забывает. В прошлом месяце обещал помочь Юре с ремонтом — не приехал. В позапрошлом — свозить меня в театр, я даже платье новое купила, — в итоге сказал, что срочные дела на работе. А работу ему, видите ли, подкинули. Уверена, что и в этот раз с зоопарком будет точно так же. В итоге с Софочкой мне ехать придется.

Я внучку очень люблю, души в ней не чаю. Но ведь я уже не девочка, мне тоже отдых требуется. Всю неделю вкалы-

ваю, как папа Карло, на работе — отчеты, клиенты, авралы. После работы домой бегу, чтобы мужу ужин приготовить (Толик не ест «эту замороженную гадость», только свежее), порядок дома навести (если я уберусь — чисто, если нет — бардак, никто палец о палец не ударит). Еще и сын с дочкой внучку через день подкидывают на вечер, пока сами то по кафе, то по кино ходят. В общем, устаю я ужасно. Но кому это интересно?

Мы дошли уже до уборной, когда я опустила внучку на пол и открыла дверь. Внутри пахло цветочным освежителем и еще чем-то сладким, приторным.

— Заходи скорее, — пропустила ее вперед.

— Дедушка! — радостно воскликнула Софа, стоило ей только войти в туалет.

Я же застыла в проеме, увидев мужа.

Сначала в голове была пустота. Абсолютная. Как будто кто-то щелкнул выключателем, и свет погас. Я смотрела на Толика, на его руки, которые лежали на талии его секретарши Полины — той самой «бедной сиротки», которую он привел в наш дом как бездомного котенка, — и не могла поверить.

Это не происходит со мной.

Это с кем-то другим. С женщиной в дешевом сериале. С героиней любовного романа, которую муж бросает ради молодой любовницы.

Не со мной.

Я же хорошая жена. Верная. Заботливая. Я не скандалила, когда он задерживался на работе. Я не проверяла его телефон. Я верила каждому слову.

Дура.

Какая же я дура.

— Света, это не то, что ты подумала! — Толик отскочил от своей секретарши так резко, что едва не упал. Его лицо побледнело, глаза заметались. Он выглядел не любовником, пойманным на месте преступления — а нашкодившим мальчишкой.

Полина же, наоборот, стояла спокойно. Даже с вызовом. Поправила платье — на мне, кстати, такое же, почти, только мое подороже, но ей не обязательно знать, — и посмотрела на меня с полуулыбкой. Мол, ну да, поймала. И что?

Внутри закипело. Не ревность — нет. Что-то более древнее, животное. Ярость, которая поднималась из самого дна, затапливала грудь, горло, глаза.

— Вышли! Оба! — едва сдерживая рвущийся наружу крик, прошипела я сквозь зубы. Голос звучал чужой, низкий, почти мужской.

— Света!

— Не при ребенке! Потом поговорим.

Муж не стал спорить. Он всегда был трусоват, когда дело касалось публичных скандалов. Отступила в сторону, выпуская этих... Даже слов для них подходящих нет. «Любовники»? Слишком романтично. «Изменщики»? Недостаточно.

но грязно.

Глаза защипало.

— Бабуль, а почему дедушка целовал тетю? — по-детски наивно спросила внучка. Софа смотрела на меня широко раскрытыми глазами, в которых не было осуждения — только любопытство. Она еще не знала, что такое предательство. Не знала, что люди, которые клянутся в любви до гроба, могут врать.

Я присела перед ней на корточки, взяла за маленькие теплые ручки.

— Он не целовал. Просто тете плохо стало. Ты же помнишь, мы с тобой смотрели мультик? Там дяде плохо стало, и ему делали искусственное дыхание.

— Помню, — улыбнулась Софушка. Вот что значит дети — они верят. Схватываются за любую соломинку, если это помогает сохранить их маленький мир целым.

— Вот и дедушка тетю спасал. Все! Хватит болтать. Иди уже, — открыла для внучки кабинку.

Как только дверь закрылась, я подошла к раковине. Включила воду на полную, намочила руки. В зеркале отражалась женщина, которую я едва узнавала. Подведенные глаза, тональный крем, уложенные волосы — маска счастливой именинницы. К черту макияж! Кому он теперь нужен?

Я быстро умылась, лишь бы не разреветься. Вода была холодной, обжигающей, но это помогало держаться. Не надо, чтобы внучка видела меня такой. Она не поймет. А если пой-

мет — запомнит на всю жизнь. Я не хочу, чтобы Софа запомнила бабушку плачущей в туалете в день своего юбилея.

Из зеркала на меня смотрела панда — черные разводы туши под глазами, размазанная помада. Пришлось снова и снова тереть глаза, пока кожа не покраснела.

— Я все, — вышла ко мне внучка и тут же остановилась.
— Бабуль, а зачем ты красоту смыла?

— Да мне в глазик что-то попало, вот я и умылась, — ответила ей, расправляя платье.

— Пойдем, отведу тебя к родителям.

— Не хочу! — заканючила Софа. — Я с тобой хочу!

— Идем!

Вернувшись в зал, заметила сидящего за столом мужа. Его секретутки уже не было — испарилась, как дым. Наверное, через черный ход ушла. Ну хоть спровадить ее додумался. Какая же я дура! «Светочка, пусть и Полина с нами твой юбилей отметит. Бедная сиротка и так всегда одна. Мы ей как семья». — Толик вещал мне на уши лапшу, а я кивала и улыбалась, как последняя идиотка.

Теперь-то я понимаю, какая семья! Дура! Дура!

Заметив меня, муж поспешил встать и пойти мне навстречу. Он пытался изобразить на лице раскаяние, но я видела — испуг. Только испуг. Боится, что я устрою скандал, что гости узнают, что я выгоню его на глазах у всех. Боится за свою репутацию.

А о том, что мне больно — ему плевать.

— Свет.

— Замолчи! Коля где?

— Покурить пошел, — ответил муж.

— Найди Аллу. Пусть возьмет Софочку, — передала ему на руки внучку. Софа обхватила деда за шею, еще ничего не понимая. Он прижал ее к себе — и в этом жесте я увидела того Толика, за которого выходила замуж. Того, кто носил дочку на руках, кто учил сыновей ловить рыбу, кто говорил мне «спокойной ночи» каждую ночь двадцать пять лет.

Куда он делся? И был ли он вообще?

— Я сейчас, я быстро, — обрадовался муж, явно выдохнув от напряжения. Подумал, я сейчас разрыдаюсь, устрою сцену, оболью всех шампанским? Бедняжка, думал я скандал при всех устрою? Как же все-таки плохо он меня знает. Позориться еще больше я уж точно не стану.

Пока муж ушел, я поспешила к столу.

— Ну наконец-то! — обрадовалась моему появлению подруга. Галка, как всегда, была начеку — заметила, что со мной что-то не так, еще до того, как я сказала хоть слово. — Я уже ждалась тебя. Витя, наливай! — скомандовала она своему мужу.

— Гал, прости, не до этого, — схватила я сумку. Кожаная, подарок Юры на прошлый день рождения. Сын знал, что мне нравится.

— Ты это куда?

— Ухожу! — бросила на ходу и направилась прочь из за-

ла.

— Да что случилось-то?! — последовала за мной подруга. Она всегда была рядом — и в горе, и в радости. Единственная, кто не предал.

— Не хочу сейчас об этом, — отмахнулась я.

— А ну стой! — остановила меня Галка. Заметив стоящие в моих глазах слезы, даже опешила. — Ты чего это?

— Мне надо уйти. Прямо сейчас. Понимаешь?

— Света! Стой, Света! — послышался из зала голос мужа.

— Задержи его! — бросила подруге, а сама поспешила к выходу.

Ну и что, что на улице холодно. Не замерзну! Пробежав мимо гардероба — пальто, к черту пальто, — выскочила на улицу. Холодный весенний воздух тут же пробрался под легкое вечернее платье. В марте еще зима не думала уходить, ветер был сырым, противным, пробирал до костей.

Но мне было все равно.

Боль внутри была сильнее, чем холод снаружи.

Ну хоть с такси мне повезло — свободная машина стояла прямо у входа. Вот она, ирония судьбы: в день, когда все пошло наперекосяк, удача улыбнулась в мелочи.

— Куда едем? — поинтересовался водитель, когда я заскочила в салон.

— Ольховского, 49, — назвала адрес гостиницы, которую помнила еще со времен командировок. — Только поскорее, пожалуйста.

Машина быстро тронулась с места. Я лишь успела заметить, как из ресторана выскочил Толик. Растерянный, злой, с телефоном в руке. Телефон тут же разразился громкой трелью. На дисплее высветилась надпись «любимый».

Сбросила.

Немного подумав, вовсе выключила гаджет.

Пусть ищет.

Пусть волнуется, впервые за двадцать пять лет.

Внутри все переворачивалось от боли. Мы столько лет жили, как мне казалось, душа в душу, а в итоге это все оказалось ложью. Я прокручивала в голове последние годы — командировки, задержки, «поздно, не жди». Сколько их было? Сколько раз он был с ней, а я дома ждала, ужин разогревала, гладила его рубашки?

Сколько?

Лучше не знать.

Как только оказалась дома — нет, не дома уже. В квартире, где я прожила двадцать лет, но которая теперь казалась чужой, — быстро достала из шкафа чемодан. Старый, советский еще, с треснувшим колесиком. Толик обещал купить новый — три года назад. Я покидала в него самое необходимое: джинсы, свитера, белье, пару блузок на работу. Остаться с мужем под одной крышей не хотелось ни минуты.

Деньги — те, что откладывала на черный день «на всякий случай» — все полетели следом. Украшения, что дарила мама, — тоже. Фотографии детей, когда были маленькими, —

в самый низ, чтобы не помялись.

Слезы градом катились по щекам. Я не вытирала их. Пусть. Дура... Какая же я дура!

На ходу схватила пальто — все-таки не лето, — ключи от квартиры бросила на тумбочку. Они мне больше не нужны. Покинула некогда счастливое гнездышко, даже не оглянувшись.

Такси все еще ждало меня у подъезда. Хороший водитель попался, понимающий. Не задавал лишних вопросов, не пялился в зеркало заднего вида. Быстро погрузил чемодан в багажник и так же проворно доставил меня в ближайшую гостиницу.

Сегодня мне не хотелось никого видеть. Ни Толика с его оправданиями. Ни сыновей, которые, наверное, уже знают и обсуждают, на чью сторону встать. Ни маму, которая скажет «а я тебе говорила».

Только стены. Тишина. И эта жгучая боль, которую нечем залить, кроме как слезами.

Горячая ванная в номере наконец-то согрела промерзшее тело, а может быть, этому поспособствовал бокал вина — я заказала его в номер, не глядя на цену. Сегодня можно. Сегодня все можно. В голове было пусто, словно все мысли покинули ее, оставив после себя выжженную пустыню. Ни надежды, ни планов, ни будущего.

А вот в районе груди жгло адским пламенем от боли. Физически. Так, будто кто-то вогнал туда раскаленный прут.

Вода постепенно остывала, но я продолжала сидеть, с остервенением натирая кожу мочалкой до покраснения. Чтобы этими ощущениями хоть как-то заглушить саднящее чувство внутри. Хотелось заорать в голос, разбить что-нибудь, разнести эту ванную комнату в щепки.

Но люди в соседних номерах сдерживали мой порыв — слишком уж тонкие тут стены. А в чем виноваты другие? Это лишь моя боль. Только моя.

Совсем замерзнув, вылезла из ванной и закуталась в махровый казенный халат. Жесткий, пахнущий порошком и чужими руками. С трудом переставляя ослабшие ноги, доплелась до кровати и рухнула на нее. Уткнувшись носом в подушку — наволочка скрипела новой тканью — наконец дала волю слезам.

Я устала...

Я устала быть сильной.

Рыдания нескончаемым потоком сотрясали тело, перерастая в всхлипы. Я плакала о том, что меня предали. Плакала о том, что двадцать пять лет жизни оказались ложью. Плакала о себе — наивной дуре, которая верила в любовь до гроба.

Постепенно тяжесть наполняла мои веки, пока они наконец-то не сомкнулись. Во сне снова и снова всплывали образы Толика и этой наглой девицы, что посмела влезть в нашу семью. Я просыпалась, снова засыпала, и снова — тот же кошмар.

Из сна я вырвалась резко, буквально подпрыгнув на кро-

вати и сев, растерянно оглядываясь по сторонам. Минувшие события казались дурным сном. С трудом удалось сфокусировать взгляд на незнакомой обстановке — дешевые обои, казенная мебель, шторы, которые не закрывают окно до конца.

Рука сама потянулась к тумбе, на которой лежал телефон. Точно! Я ведь сама его выключила. Так... А сколько же времени?

Судя по тому, как сейчас светло за окном — серый рассветный полусвет — уже утро. О нет! Неужели я опоздала на работу?

Быстро включила телефон. Восемь сорок пять. Черт! Черт! Черт! Рабочий день уже через пятнадцать минут.

Под звуки разрывающегося сигналами входящих сообщений телефона — тридцать семь пропущенных, восемнадцать сообщений, — я соскочила с постели, на ходу одеваюсь. Джинсы застегивались туго — после вчерашнего вина и заказанного в номер ужина, к которому я почти не притронулась, тело распухло от слез.

Телефон заорал на весь номер. «Любимый» — высветилось на дисплее.

Сбросила.

Набрала номер такси.

На перевес с чемоданом — проклятый, тяжелый, неудобный — спустилась в холл. Телефон все еще надрывался. Сын, Толик, мама, даже Галка и та названивала мне пооче-

редно.

Садясь в такси, вновь выключила аппарат.

— В "СтройИнвест", — назвала компанию. — И побыстрее.

Водитель понимающе кивнул — видимо, мой вид говорил сам за себя: красные глаза, никакой косметики, вчерашнее платье под пальто, чемодан. Классика. Женщина, у которой разбита жизнь.

Удивленный охранник на входе поздоровался кивком, проводил меня недоумевающим взглядом. Ну да, я с чемоданом. И что теперь? Поднявшись на нужный этаж, едва не бегом вышла из лифта, чтобы пойти в свой рабочий кабинет, но тут же столкнулась с Ксенией.

— Светлана Витальевна, — мне показалось, что секретарша шефа даже обрадовалась моему появлению, — наконец-то вы здесь.

— Что, Гурьянов уже в курсе моего опоздания?

— Не то слово! Он вас уже минут десять ищет. Я сказала, что вам плохо стало и вы в туалет ушли.

— Спасибо, Ксения, — через силу улыбнулась девушке. Хорошая она, добрая. Жалко, что я не умею быть такой же легкой.

— Вы бы поскорее пошли к нему, а то он сегодня злющий, — поежилась секретарша. — С утра уже на половину офиса успел наорать.

Бросила печальный взгляд на свой чемодан.

— Сейчас пойду, только его в кабинет поставлю.

— Давайте я сама это сделаю, а вы идите. Не то и мне еще достанется за то, что вас прикрывала.

Подставлять девушку совершенно не хотелось. Отдав ей свою ношу, быстро направилась в кабинет начальника, на ходу поправляя волосы — растрепались за ночь, спутались в колтуны. Вид у меня, конечно, был не из лучших: глаза красные, под ними круги от слез, сама вся растрепанная. Ну нет у меня сил приводить себя в порядок. Да и перед кем стараться? Кому не нравится, пусть не смотрят!

Внутри почему-то начала подниматься злость. Странная, иррациональная ярость на весь мир. На Толика, который посмел унижить меня. На Аллу, которая никогда меня не уважала. На сыновей, которые, наверное, уже встали на сторону отца. На себя — за то, что позволила так с собой обращаться.

Пока я дошла до двери кабинета Гурьянова, накрутила себя так, что готова была разнести все вокруг. Решительно дернув на себя ручку, без стука ввалилась внутрь.

— Вы искали меня, Олег Юрьевич? — остановившись у двери, с вызовом взглянула на начальника.

— Светлана Витальевна, почему вас нет на рабочем месте? — Гурьянов даже не поднял на меня взор, что-то внимательно изучая в своем компьютере. Как всегда — холодный, отстраненный, неприступный.

— Я на месте.

— Врать мне не надо! Думаете, я поверил в сказки Ксе-

нии? Вас не было в офисе!

Его слова звучали с таким укором, словно я не на работу опоздала, а родину предала. А главное — за что? Видимо, скопившееся во мне напряжение дало о себе знать, а может, это были истрепанные вчера нервы, но меня буквально про-рвало.

— Знаете что, Олег Юрьевич?! — мой голос задрожал, но я не собиралась останавливаться. — Я горбачусь на вас уже пятнадцать лет! За это время я один раз была на больничном, в отпуске только формально нахожусь, никогда не опаздывала, задерживалась то и дело до полуночи, сдавала проекты в выходные, когда никто не просил! И вы еще смеете мне что-то выговаривать?! Да в гробу я видела вашу чертову фирму!

Сама от себя подобного не ожидала. Нет, я люблю свою работу и увольняться совсем не хотела. Но, правда, накопело что-то. Тут же пожалела о сказанном, но слов обратно уже было не вернуть.

Гурьянов поднял на меня полный недоумения взгляд. Он явно хотел сказать мне пару ласковых, уже было открыл рот, но замолчал. Несколько минут он внимательно вглядывался в мое лицо — в красные глаза, в дрожащие губы, в этот ужасный, неприбранный вид.

— Светлана, с вами все в порядке? — впервые за эти годы обратился ко мне по имени, игнорируя отчество.

— Нормально, — голос мой стал виноватым, как у нашкодившей девочки.

Олег Юрьевич встал из-за стола и подошел практически вплотную ко мне. Я вжалась в дверь, не понимая, что происходит. Он никогда не подходил так близко. Никогда. Всегда — дистанция, кабинеты, официальные фразы.

— Я уже сказал, что не стоит мне врать. Я ведь прекрасно вижу, что у вас что-то случилось, — он говорил тихо, почти шепотом, и от этого его голос звучал еще более внушительно. — Ну-ка присаживайтесь! — скомандовал он, указав на кресло для посетителей. А когда я не сдвинулась с места, буквально подтолкнул меня к нему. — Садитесь, садитесь!

Я плюхнулась в кресло, чувствуя себя школьницей у директора. Гурьянов не вернулся за стол — присел на край стола рядом со мной, сложив руки на груди.

— Так что стряслось? — спросил он, и в его голосе не было ни капли начальственного высокомерия. Только искреннее, почти отеческое беспокойство.

Говорить о том постыдном факте, что мне изменяют, совершенно не хотелось. Стыд обжигал щеки. Как можно признаваться в таком? Особенно ему — человеку, который всегда был для меня просто начальником. Строгим, справедливым, но чужим.

— Это не касается работы, — я сидела как на иголках, заламывая руки, боясь, что вот-вот сорвусь в очередную истерику. — Если у вас есть вопросы касательно проекта...

— К черту проект! — прогремел голос начальника, и я вздрогнула. — Может, вы отгулы возьмете на пару дней? В

гостинице, я смотрю, ночевали? С чемоданом?

Я подняла на него удивленный взгляд. Откуда он знает про гостиницу? Впрочем, в этой компании все всё знают — у Гурьянова везде свои люди.

— Нет! — поспешно ответила Олегу Юрьевичу.

Мне только сесть в четырех стенах не хватало. Тогда точно скачусь в депрессию. Работа — лучшее лекарство. На работе я была нужна. На работе я знала, что делать. На работе я была не просто «женой Толика» или «мамой Коли и Юры» — я была профессионалом.

— Но если что, вы всегда можете ко мне обратиться: отгул или просто выслушать — вы знаете, где я, — Гурьянов сказал это так, будто между нами и правда существовала какая-то особенная связь. Будто мы были не просто начальник и подчиненная, а... не знаю, друзья. Или больше.

Его реакция меня удивила. Гурьянов всегда отличался холодностью к сотрудникам, сдержанностью в разговорах, да и вообще общей отстраненностью. «Снежный король» — называли его за глаза в курилке. А тут такое участие... Что на него нашло?

— Я могу идти? — спросила я, уже поднимаясь.

— Разумеется, Светлана. Идите. И попросите Ксению пригласить ко мне Шайлимова.

Ксюша по своему обыкновению сидела за рабочим столом и пилила себе ногти — пилочка противно скрипела, раздражая слух.

— Гурьянов просил пригласить к нему Марата Ильнусовича, — передала ей, проходя мимо, а сама направилась в юридический отдел. Мысли уже переключились на другое — на развод. На то, что надо действовать, пока Толик не опомнился.

— Добрый день! — поприветствовала присутствующих.
— Владимир Иванович, могу я с вами поговорить?

— Разумеется, Светлана Витальевна, присаживайтесь, — указал на стул рядом со своим столом главный юрист нашей фирмы. Чадов был мужчиной лет шестидесяти, с умными спокойными глазами и привычкой никогда никуда не торопиться.

— Нет. Мне бы наедине, — не хотелось озвучивать свою проблему при всех.

Чадов понимающе кивнул.

— Тогда давайте выпьем кофе, — предложил он.

На рабочей кухне никого не было — повезло. Я включила кофемашину, доставая две чашки. Руки дрожали, кофе пролился мимо — пришлось вытирать стойку бумажной салфеткой.

— Так что вас тревожит, что понадобился юрист? — не мешкая, Владимир Иванович перешел сразу к делу.

— Мне нужна помощь с разводом, — выдохнула я, наконец произнеся вслух то, о чем думала всю ночь.

— Вот как? — Чадов не удивился. Он вообще редко чему удивлялся. В его возрасте и с его опытом сложно чем-то

поразить.

— Боюсь, мой муж будет всячески противиться этому, — добавила я, ставя перед ним чашку.

— Чтобы оценить всю ситуацию, мне нужны подробности.

— Я замаялась. — Светлана Витальевна, юристы как врачи

— мы должны знать всю предысторию, чтобы помочь.

— Я понимаю. Просто неприятно ковырять это вновь и вновь, — устало произнесла я, наливая кофе по чашкам.

— И все же?

Пришлось рассказать весь вчерашний вечер в подробностях. Как Толик привел Полину на юбилей. Как я застала их в туалете. Как он врал, а она улыбалась. Как я ушла в гостиницу, не взяв даже пальто.

— Это хорошо, что вы застали их в ресторане, — задумчиво произнес юрист. — Думаю, у них там везде камеры имеются. Даже если ваш муж будет противиться разводу и отпираться, мы в два счета сможем доказать факт измены. Я прямо сейчас позвоню знакомым в администрацию ресторана, попрошу сохранить записи. Поэтому и отсудить у него вашу долю имущества тоже не составит труда.

— Да не нужно мне ничего от него! — отмахнулась я.

— Светлана Витальевна, вы не знаете, как повернется завтра судьба. Не стоит отказываться от того, что вам причитается по закону. Эта квартира — совместно нажитое имущество. И машина, и дача, если она есть. Не позволяйте эмоциям лишать вас того, что принадлежит вам по праву.

— Так вы поможете мне? — спросила я, глядя на Чадова с надеждой.

— Разумеется, — улыбнулся он. — Вы не переживайте и спокойно работайте. И еще, не стоит сейчас скандалить с мужем. Лучше всего вам будет даже не встречаться пока. Вы остались в вашей квартире?

— Нет. Я сразу ушла в гостиницу, а сегодня... не знаю, куда поеду сегодня. К сыну, наверное, — вслух размышляла я.

— Вот и прекрасно. Не волнуйтесь, я сделаю все максимально сам. Вы только документы подготовьте: свидетельство о браке, паспорта, выписки на имущество.

— Спасибо, Владимир Иванович, — поблагодарила я мужчину и вышла из кухни.

В коридоре столкнулась с Ксенией.

— Светлана Витальевна, вас Марат Ильнусович ищет, — сообщила секретарша. — Сказал, чтобы вы зашли к нему, как освободитесь.

Зачем я понадобилась начальнику охраны? Сердце кольнуло нехорошее предчувствие. Неужели Толик уже здесь? Неужели устроил скандал?

Я пошла в кабинет Шайлимова, чувствуя, как пятки становятся ватными. Внутри нарастала тревога. Этот день только начинался, а я уже хотела, чтобы он закончился.

Но он только начинался.

И самое страшное было еще впереди.

Глава 2

Олег...

— Ты чего такой взвинченный? — Марат как всегда ввалился без стука и плюхнулся в мое кресло. Даже ноги на стол закинул — нахал.

Я отошел от окна. Смотрел на улицу, но ничего не видел. Перед глазами все еще стояла Светлана — красные глаза, дрожащие губы, этот потерянный вид. Она никогда не выглядела так. Никогда. Света всегда была собранной, деловой, с легкой улыбкой на губах. А сегодня... Сегодня она рассыпалась на части у меня в кабинете, и я ничего не мог с этим поделать.

— А ты не обнаглел? — усмехнулся извечной привычке друга. — Сколько раз тебе повторять, чтобы ты не рассаживался здесь?!

— Тебе жалко что ли? У меня, между прочим, спина болит, — наигранно скривился мой безопасник. — Ты-то мне в кабинет такое креслице не приобрел, — с укором высказал он, потирая область поясницы.

— Ну раз ты у нас такой разваливающийся, то можно тебя на пенсию проводить. На твое место молодежь в очередь выстроится.

— Куда им со мной тягаться, к тому же, старый конь, как

говорится... — рассмеялся Шайлимов. — Да и кто еще тебя вытерпит, если не я?

Здесь он был совершенно прав, я и сам не особо доверяю посторонним. Найти кого-то на его место будет весьма сложно. Марат со мной еще с тех времен, когда компания была маленькой конторкой в подвале бывшего НИИ. Он знает все мои скелеты в шкафу — и про Ольгу, и про тот страшный день, и про ночные кошмары, от которых я до сих пор просыпаюсь в холодном поту.

— Ну ты и самоуверенный, — хлопнул друга по плечу.

— Не без этого. Так что у тебя там стряслось? Расскажешь или мне через свои каналы узнавать? — не переставал шутить Марат, но в глазах уже появилась деловая серьезность.

— Тут ты прав. Стряслось, но не у меня, — я вернулся к окну, прислонился лбом к холодному стеклу. Голова болела с утра, и кофе не помогал.

— А тут поподробнее, — Шайлимов все же поднялся с моего кресла и с деловым видом занял место для посетителя. Сразу преобразился — от дружеской расслабленности не осталось и следа.

Вот за это Марат мне и нравится: он всегда четко понимает, когда можно вести дружеские беседы, а когда нужно сосредоточиться на делах. И в деловой сфере ему равных точно нет.

— Что-то у Серебрянской стряслось.

— С чего ты это взял? — прищурился Марат.

— Да перед тобой она у меня была. Не поверишь, представляешь, наорала на меня. Сказала, что в гробу видела мою фирму, — я усмехнулся, вспомнив этот взрыв эмоций. Никогда бы не подумал, что Света способна на такое.

— Да ладно?! — удивился друг. — Твой Свет в оконце наконец показала зубки?

— Не говори так о ней! — резко оборвал его. Слишком резко. Я и сам это понял, но слово уже вылетело.

— Ой, ладно, прости, прости. Не хотел задеть святое, — Марат поднял руки в примирительном жесте. — Но ты, Олег, того. Слишком остро реагируешь на любое упоминание о ней. Сколько лет уже?

— Марат, не ерничай! — Я повернулся к нему всем телом, понимая, что выдаю себя с головой. Но Марат не тот человек, перед которым можно притворяться. Он все равно видит насквозь.

— А что Марат-то?! Ну как подросток, ей-богу! Не пробовал поговорить с ней начистоту? Признаться, в конце концов. Вдруг она тоже к тебе равнодушна?

— На какую чистоту? Замужем она!

— И что? Муж не стенка, как говорится. Давно бы увел, — Марат пожал плечами, будто речь шла о перестановке мебели, а не о человеческой судьбе.

— Она его любит, да и счастлива с ним. Всегда счастливая, окрыленная. Рассказывала, как выходные провели, как на море ездили, как он ей цветы дарит. Я не лезу и не полезу.

Зачем рушить чужое счастье?

— А ты? — не унимался друг. — Поди уже под полтинник. Так и останешься один. Смотри, Олег, время идет. Не вернешь.

— Не об этом сейчас, — оборвал я его. — У нее что-то случилось. Что-то серьезное. Я это чувствую. Она не просто опоздала и наорала — она пришла с чемоданом, Марат. С чемоданом! И ночевала в гостинице.

Марат присвистнул.

— Хочешь, чтобы я все узнал?

— Ты всегда отличался догадливостью, — улыбнулся другу.

— Хорошо, дай мне пару часов, — Марат направился к выходу, но вдруг остановился в дверях и обернулся. — Я б на твоём месте все же задумался и увел ее, пока не поздно. Не вечно же ей страдать с другим, пока ты в сторонке стоишь и ждешь, когда она сама до тебя дорастет. — Бросил напоследок и удалился.

Легко сказать. Будто я и сам об этом не думал. С первого дня ее работы здесь не свожу с нее глаз. Я помню тот день — она пришла на собеседование в сером костюме, немного не по размеру, с пучком на затылке и таким серьезным лицом, что я чуть не улыбнулся. Но когда она начала говорить о проектах, о стратегии развития, о том, как можно оптимизировать бизнес-процессы — я забыл про все. И про костюм, и про пучок. Я смотрел на нее и понимал: вот она. Та, кото-

рую я ждал.

А потом узнал, что замужем. И двое детей.

А через год она принесла фотографию новой внучки — маленького сморщенного комочка, которого называли Софьей. И светилась вся, как начищенный самовар. И я понял — все. Она счастлива. А я останусь за бортом.

Несколько раз даже пытался с ней поговорить — не о чувствах, нет, так, о работе, о жизни. Но она так оживленно рассказывала коллегам о совместных выходных с мужем, об отпуске с ним, о том, как они выбирали новый диван в гостиную — что я каждый раз отступал. Зачем лезть? Зачем рушить?

Я не лез, да и не полезу. Зачем рушить чужое счастье? Наверное, это и есть настоящая любовь: радоваться счастьем любимого человека, даже если самого разрывает на кусочки от ревности.

Пытался переключиться на кого-нибудь другого, заводил ничего не значащие романы — красивые девушки, легкие отношения, никаких обязательств. Но ни одна из моих пассий не могла заглушить тоску по Светлане. Я сравнивал каждую с ней — и проигрывал. У той волосы не такие, у той голос не тот, у той смех слишком громкий или слишком тихий.

Она — одна. И никого другого мне не надо.

Она — мой ночной кошмар. И моя единственная мечта.

— Олег Юрьевич, — на пороге появилась Ксения со стопкой бумаг в руках. — Нужна ваша срочная подпись, — она

опустила их на стол и смиренно принялась ждать рядом.

Я вернулся на свое место, взял ручку, пробежался глазами по документам. Строчки плыли перед глазами — я думал о другом.

— На сегодня еще есть какие-то встречи?

— Да, вас ждут на объекте. Вы лично хотели осуществить приемку, — напомнила секретарша.

— Точно! Я уже и забыл об этом. Сообщи водителю, чтобы был готов через пятнадцать минут.

Быстро поставив подписи в документах, вернул их Ксении, а сам поторопился закончить текущие дела, чтобы с объекта сразу же ехать в аэропорт. Дашка сегодня прилетает. Дочь. Ей уже двадцать, а я до сих пор не знаю, как быть с ней отцом. Живет с матерью в Сочи, прилетает ко мне раз в год, да и то ненадолго. Студентка — не до меня совсем. Раньше, когда была маленькая, я был для нее героем. А теперь? Теперь я — тот, кто не смог уберечь маму. Тот, кто убил ее.

— Передай Марату Ильнусовичу, чтобы отзвонился, как решит мой вопрос, — пересекая приемную, бросил на ходу секретарше.

— Будет сделано, Олег Юрьевич.

На стройплощадке как всегда творился хаос. Пьяный прораб — Петрович, еще с советской закалкой, который считал, что знает всё лучше любого начальника — довел меня до белого каления. Пришлось выгнать его к чертям собачьим, пока не довел до беды. Мне еще производственных травм на

объекте не хватает. К тому же поставщики решили идиота из меня сделать, прислав бетон не той марки — М300 вместо М400, а разница критичная для несущих конструкций.

В общем, вовремя я появился.

В итоге, пришлось задержаться на два часа. Отчего в аэропорт приехал уже в тот момент, когда все пассажиры практически разошлись, разобрав свой багаж. Дашка стояла у выхода с чемоданом и таким лицом, будто ее лично оскорбили.

— А я уже собралась такси брать, — всем своим видом Даша демонстрировала недовольство. — К тебе дочь раз в год приезжает, — с укором взглянула на меня, отдавая чемодан, — мог бы и отложить ради такого события свою работу.

— И тебе привет, — приобнял ее, чмокнув в щеку. От нее пахло дорогими духами и сигаретами — курит, значит. Когда успела начать? Или уже давно?

— Привет.

— Как долетела?

— В бизнес-классе было бы лучше. Эконом — это ужасно. Рядом орал ребенок, впереди мужчина откинул кресло так, что я смотреть в ноутбук не могла, а стюардессы были хамками.

Все-таки, по-моему мнению, Инга порой излишне балует дочь. Дашка растет чересчур, как бы мягче сказать, избалованной. Тут уже пора о будущем задуматься, о карьере, об учебе — а у нее в голове бренды, вечеринки и мальчики.

— Давай только куда-нибудь заедем, а то есть охота. Тер-

петь не могу еду в самолете.

— Дома поешь. Елена Федоровна твои любимые отбивные сделала.

— Сдались мне ее отбивные, — фыркнула дочь. — И вообще, я на диете. Мясо после шести — это ужасно, отец. Ты вообще не следишь за современными тенденциями.

— Какая диета? — Я окинул ее взглядом — худющая, как щепка. Скоро кости видно будет. Будешь ходить и греметь ими, — пошутил я, но Дашка шутку не оценила.

— Ага, именно поэтому каждая твоя пассия на вешалку похожа? — парировала она.

— Даша!

— А что Даша-то?! Учти, мне новой мамочки не надо. Мне своей хватает, мозг так выносит, что десяток ее вряд ли заменит. А ты смотри, не приведи домой кого-нибудь. Я сбегу.

— Ты бы за языком следила, — недовольно ответил дочери. Внутри кольнула тревога — а что, если все-таки придется? Что, если Света согласится? Что тогда скажет Даша?

— Что я такого сказала? Я, между прочим, вашей личной жизни не мешаю. Устраивайте ее как хотите, но и в мою не лезьте!

— Да кто лезет-то? А вот ты, помнится, совсем недавно концерты матери устраивала, когда она замуж за Терновского собиралась. Ты звонила мне в истерике каждую ночь, требовала, чтобы я забрал тебя оттуда.

— Это другое! Кобель он. Я сразу поняла. А вы, мужики, ничего не видите дальше своего носа и денег. Особенно если женщина молодая и красивая.

— Даша!

— Ладно, проехали, — махнула рукой дочь, усаживаясь на переднее сиденье.

— Назад садись. Безопаснее.

— Вот еще! Меня там укачивает. И вообще, я не маленькая, чтобы мне указывать, где сидеть.

И вот как с ней быть?! На все свое мнение, на любое слово она тебе сто в ответ выдаст. Видимо, я постепенно начинаю терять контакт с дочерью. Вообще ее не понимаю. Даже в подростковом возрасте с ней было легче сладить, чем сейчас. Тогда она хотя бы слушалась. А теперь — сплошное противостояние, война на уничтожение.

В машине зазвонил телефон — Марат.

— Да, Марат, — принял я вызов, отвлекший меня от разговора с дочерью. Дашка тут же наострила уши, делая вид, что смотрит в окно. — Удалось что-то выяснить?

— Практически ничего. Вчера Серебрянские праздновали юбилей Светланы в ресторане. Однако она оттуда почему-то поспешно ушла. Причин этого никто не знает. После этого она сняла номер в гостинице, где и провела сегодняшнюю ночь. В номере была одна, я проверил. — отчитался Шайлимов.

— Одна? — зачем-то уточнил я.

— Да не кипятись, Отелло! Одна она была, одна, — рас- смеялся друг.

— Не густо...

— Пока что есть. Возможно, просто с мужем поругалась. По крайней мере, он сейчас преспокойно сидит на работе. Я его пробил — Анатолий Серебрянский, пятьдесят два года, владелец небольшого рекламного агентства. Ничего крими- нального. Но есть одна деталь — у него в штате секретарша, молодая, двадцать шесть, зовут Полина Кузнецова. И она то- же была на юбилее. Приглашенная.

— Думаешь, в этом дело? — спросил я, хотя внутри уже все кипело.

— Не знаю, Олег. Но если мужик приводит на юбилей же- ны свою секретаршу — это как минимум странно. А если эта секретарша молодая и красивая — то еще и подозрительно. Ладно, я покопаю дальше.

— Хорошо. Все-таки постарайся узнать побольше инфор- мации. Света не из тех женщин, которые при малейшей ссо- ре из дома бегут. Она терпеливая. Очень. Если уж она сбе- жала — значит, случилось что-то серьезное.

— А ты прям так хорошо ее знаешь?! — хмыкнул Марат.

— Не так хорошо, как хотелось бы, — признался я. — Ладно, я на связи. Будет информация — сразу звони.

Отключил вызов, поймав на себе недовольный взгляд Дашки.

— Очередная пассия? От кого-то из них? — в ее голосе

звучала насмешка.

Я лишь покачал головой. И что ей ответить? «Нет, дочь, это не пассива. Это женщина, которую я люблю пятнадцать лет, но которая даже не знает об этом. И сейчас она в беде, а я ничего не могу сделать, кроме как послать своего безопасника собирать о ней информацию»?

Даша бы не поняла. Она слишком молода, чтобы понимать такую любовь — тихую, безнадежную, которая не требует ничего взамен.

В этот момент машина притормозила у ворот моего загородного дома. Те плавно отъехали в сторону, впуская нас на территорию. В доме пахло ароматным жареным мясом и свежей выпечкой — Елена Федоровна постаралась.

— Наконец-то вы приехали. Стол уже накрыт, — сообщила домработница, появляясь в прихожей.

— Спасибо, Елена Федоровна. Мы сейчас придем.

— Я не буду мясо! — опять высказала свое «фи» Даша.

— Как же так? Я ведь старалась, твое любимое готовила, — расстроилась женщина.

— Вот сами его и ешьте.

— Даша! — мой голос стал жестче.

Дочь недовольно скривилась, но поймав мой недобрый взгляд, тут же сменила свою гримасу на более приветливую.

— А овощи есть? — более мягким тоном спросила она домработницу.

— Есть. Конечно, есть, — просияла Елена Федоровна. —

Сейчас я мигом салатик нарежу.

— Только без майонеза. Только лимонный сок и оливковое масло. И никакого перца — от него прыщи, — скомандовала Дашка, поднимаясь наверх.

— Елена Федоровна, вы ей особо не потакайте. В следующий раз пусть ест то, что приготовлено. А если не нравится, пусть сама к плите встает, — сказал я, хотя знал, что домработница все равно сделает по-своему.

— Но как же так, Олег Юрьевич?! Да и не сложно мне. Девочка приехала отдохнуть, а не на кухне стоять. Пусть ест, что хочет.

— И все же пусть привыкает. Не век ей у родителей на шее сидеть.

Елена Федоровна только вздохнула и ушла на кухню, качая головой.

Не прошло и получаса, как Дарья спустилась вниз при полном параде: короткое платье, высокие сапоги, яркий макияж, волосы уложены в идеальные локоны.

— Ты куда? — спросил я, откладывая планшет.

— Прогуляться. Не сидеть же мне круглосуточно возле тебя. Лучше с друзьями встречусь. Мы же договаривались: я приезжаю к тебе, но я свободный человек.

— С кем конкретно?

— С Машкой, с Танькой. С кем же еще? — она пожала плечами чересчур небрежно.

— Я позвоню их родителям.

— Пап! — возмущенно протянула Даша. — Мне двадцать лет!

— Мне плевать. Пока ты живешь в моем доме, ты делаешь то, что я говорю.

— Замечательно. Тогда я завтра же улечу обратно в Сочи. Мать хотя бы не контролирует каждый мой шаг.

Не дожидаясь моего ответа, дочь хлопнула дверью, покидая дом. А чего я еще ждал от совсем взрослого ребенка, который считает себя независимым, но при этом живет на мои деньги? Вдохнул, понимая, что бороться бесполезно — она все равно сделает по-своему, просто не будет рассказывать.

— Опять умчалась? — появилась в гостиной Елена Федоровна.

— Да пусть идет. Она молодая, ей воля нужна.

— А отец? — не унималась домработница.

— Елена Федоровна, ну хоть вы душу-то не теребите. И без того не сладко, — я потер переносицу, где снова запульсировала боль.

— Эх... — вздохнула женщина. — Вот жалко мне вас порой. Ты еще молод, импозантен, интеллигентен, а все один, да один.

— Нашли молодого, — рассмеялся я над заявлением домработницы. — Мне уже пятьдесят три.

— Милый вы мой, по сравнению с моим седьмым десятком, вы совсем еще юнец. Будь я немного помоложе, — шутя, поиграла седыми бровями Елена Федоровна, — я бы вас

точно не упустила. А если серьезно, то давно бы нашли себе кого-нибудь. Не куковать же одному до гробовой доски.

— Да кому я нужен-то? Лишь молодым девицам, да и то не я, а мой банковский счет их интересуется.

— Так не молодок ищите, Олег Юрьевич. Сколько у нас женщин вашего возраста: и красивые, и умные, и состоявшиеся. А главное — честные и бескорыстные. Вот взять хотя бы вашу Светлану Витальевну. Что за женщина! Умница, работающая, красивая. И не зазнается, со всеми приветлива. Почему бы вам...

— Елена Федоровна! — перебил я. — Что вы такое говорите? Она замужем, счастлива.

— Счастлива? — переспросила домработница с таким сомнением в голосе, что я даже обернулся. — Вы ее просто плохо знаете. Я-то вижу, как она на вас смотрит иногда, когда думает, что никто не видит.

— Что вы говорите? — мое сердце пропустило удар.

— Ничего, ничего. Старая я уже, все мне мерещится, — Елена Федоровна махнула рукой и удалилась на кухню, оставив меня в недоумении.

Что она имела в виду? Смотрит на меня? Когда? Как?

Я бросил взгляд на часы. Восемь вечера. Рабочий день давно закончился, а я сидел здесь и думал о женщине, которая, возможно, сейчас где-то в гостинице одна плачет в подушку.

Резко поднялся. Схватил ключи от машины. Набрал но-

мер Марата.

— Есть что-то новое? — спросил вместо приветствия.

— Да, Олег. Нехорошее что-то, — голос друга был серьезным. — Я выяснил, что Светлана сегодня днем пошла к юристу. В нашей же компании, к Чадову. Зачем, как думаешь?

— Не знаю, — хотя догадка уже обожгла изнутри.

— За консультацией по разводу.

Эти слова ударили под дых, заставили сердце сжаться. Развод. Она решилась на развод. Значит, то, что случилось вчера, было не просто ссорой. Было что-то непоправимое.

— Я еду в офис, — сказал я, уже направляясь к выходу.

— Поздно, Олег. Она оттуда час как ушла, — ответил Марат. — Но есть еще кое-что. Ее муж сейчас у здания офиса. Скандалит, требует, чтобы ему отдали жену. Охрана его не пускает, но он орет на всю улицу. Наши вызвали наряд, но я думаю... Я думаю, тебе стоит приехать.

— Спасибо, Марат. Буду через двадцать минут.

Я мчался по ночному городу, превышая скорость, перестраиваясь из ряда в ряд, игнорируя сигналы других водителей. В голове была только одна мысль: она там. Она в опасности. И я должен быть рядом.

Двадцать минут превратились в пятнадцать. Я припарковался так, что перекрыл выезд, — плевать. Выскочил из машины и сразу увидел его.

Муж Светланы. Анатолий Серебрянский.

Он стоял у центрального входа в наше здание, размахивал

руками и орал что-то нашим охранникам. Те держали его на расстоянии, но пока не применяли силу. Но чувствовалось — еще немного, и сорвутся.

— Света! Выходи, Света! — орал мужчина.

Подошел ближе. Разглядел его. Выглядел он не лучшим образом — помятый, с красными глазами, дышал перегаром на весь двор, — да и был изрядно в подпитии. Вообще близко я с ним знаком не был. Виделись несколько раз на корпоративных мероприятиях, где он сопровождал Светлану. Я особо не горел желанием с ним общаться, поэтому и не обращал особого внимания.

Но сейчас я смотрел на него и чувствовал только одно: ненависть.

Человек, который посмел причинить боль Светлане. Человек, который, судя по всему, изменил ей — как и Марат намекнул, с этой секретаршей. Человек, который теперь стоит здесь и позорит ее перед всем офисом.

— О-о-о! — протянул Серебрянский, заведя меня. И ухмыльнулся — мерзко, пьяно, вызывающе. — А вот и большой начальник пожаловал. Господин Гурьянов, вы б своим церберам сказали «фу», а то они лают тут на меня, как шавки. Не дают к законной жене пройти.

— Что вы тут делаете? — коротко уточнил я у мужчины, подходя ближе.

— Как что? За женой своей приехал. За законной! А эти, — он кивнул в сторону охраны, — ЧОПовцы, мне ее не дают.

Вы что тут, жен в заложниках держите?

— Ехали бы вы домой, Анатолий, — твердо сказал я, игнорируя отчество. — Если Светлана Витальевна не вышла сама, значит, она этого не хочет.

— А это ты что ли так решил? Может, она просто не знает, что я здесь? Вызовите ее! — Серебрянский вмиг сменил тон на более агрессивный, сделал шаг в мою сторону, но ребята тут же его перехватили, взяв под локти.

— И я так решил! Уезжайте по-хорошему, или я вызову наряд. Участковый, думаю, быстро успокоит особо буйных граждан.

— Ты мне угрожаешь? — Серебрянский попытался вырваться.

— Пока предупреждаю, — я стоял на месте, не двигаясь, глядя ему прямо в глаза. Никогда нельзя показывать таким людям слабость. Никогда.

— Да засунь ты свои предупреждения знаешь куда?! Светка! Светка! Выходи, зараза! — заорал он во всю глотку. — Я с тобой поговорить хочу!

— Вон отсюда! — мой голос стал ледяным. Надоели мне уже его пьяные вопли. Надоело слушать, как он оскорбляет женщину, которую я люблю.

— Да пошел ты! — Серебрянский дернул рукой в мою сторону, пытаясь ударить, но промахнулся — охранники оттащили его в последний момент.

Моя же реакция не заставила себя ждать долго. Я шагнул

вперед и ударил. Не сильно — знал, что могу сломать ему челюсть одним ударом, сдерживал себя. Но удар пришелся прямо в переносицу. Нос я ему явно не сломал — бил вполсилы, — но кровь пошла.

— Ах ты...! — заорал Серебрянский, но охранники уже поволокли его прочь, к выходу со стоянки.

— Уберите его отсюда! — приказал я ребятам.

— Сука! — донеслось мне вслед, когда я уже входил в офисное здание.

Я вошел внутрь, тяжело дыша. Кулак саднил — сбил костяшки, ничего страшного. Но внутри klokотала такая ярость, какой я не чувствовал уже много лет.

Марат ждал меня в холле, на лице — понимающая усмешка.

— Красиво, — сказал он. — Я думал, ты его прикончишь.

— Еще не вечер, — ответил я, проходя мимо. — Где Светлана?

— Ушла. Почти сразу, как ты приехал. Понимаешь, она все видела. Стояла у окна и видела, как ты ударил ее мужа, — Марат понизил голос. — И не обрадовалась.

— Ей и не надо радоваться, — сказал я, направляясь к выходу. — Ей надо, чтобы он отстал.

— Куда ты?

— За ней. Мне нужно убедиться, что она в безопасности.

— Она поехала к сыну, — бросил Марат мне вслед. — Старшему. У него квартира на Южной. Я проследил.

Я кивнул, не оборачиваясь. У меня было только одно желание: найти ее, увидеть, убедиться, что она цела.

Даже если она меня прогонит.

Даже если возненавидит за то, что я вмешался.

Даже если никогда не узнает, почему я это сделал.

Я должен был быть рядом.

Глава 3

Светлана...

Меня едва ли не трясло от эмоций. Никогда прежде не видела Толика таким. Да, бывало, что муж выпивал, но до такой степени... А ведь все было спокойно, я собиралась ехать к сыну. Вот только выйдя из дверей офисного здания, буквально нос к носу столкнулась со своим «благочестивым».

Он стоял у входа, тяжело дыша, с красным лицом, а из носа текла кровь.

Кровь.

У него шла кровь.

И я поняла, что произошло.

Гурьянов.

Это Гурьянов его ударил.

Толик схватил меня за руку так сильно, что я вскрикнула. Наверное, теперь на руке будет синяк. Глаза у мужа горели бешенством, от него на километр несло алкоголем, сам он был злым как черт.

— И куда ты ушла? — прорычал муж, потянув меня в сторону парковки.

— А ты думал, что после того, что я видела, я останусь? — с издевкой спросила его, резко вырвав руку из его хватки. — Ну уж нет! Ты вообще мне противен. Я видеть тебя не хочу.

— Вот как? Да чего ты скандал на пустом месте устраиваешь? Подумаешь, перебрал немного, с кем не бывает?

— С кем? Например, с теми, кто своей жене не изменяет. Ах да, ты ведь не из таких, — я сама не узнавала свой голос — холодный, спокойный, чужой. Внутри бушевал пожар, но снаружи лед.

— Хватит уже! Велика беда! — Толик махнул рукой, будто речь шла о разбитой чашке, а не о преданном доверии. — Ну помял молодуху. Чего ты взбеленилась? Я ведь с тобой, никуда не ушел.

— Да лучше б ушел! Противно даже слушать тебя! И не молодуху ты «мял», ты целовался с ней в туалете, пока я ждала тебя за столом на своем юбилее! Юбилее, Толя! Сорокапятилетия! Ты хоть понимаешь, как это унизительно?!

— Посмотри-ка, какая ранимая стала, — скривился муж. — Раньше ты была проще.

— Раньше я тебе верила. А теперь знаю правду.

— Уйди по-хорошему, — устало попросила я Толика. — Ну правда, смотреть на тебя тошно. От тебя разит перегаром, ты весь мятый, и у тебя из носа течет кровь. Иди домой, протрезвей, а завтра поговорим с адвокатами.

— Вот, значит, как ты заговорила. Еще скажи, что разводится собралась.

— А ты сомневался в этом? То есть по-твоему, я должна закрыть глаза на твою любовницу и продолжить жить с тобой как ни в чем не бывало? А что дальше? В кровати мне не

подвинуться, чтоб она к нам рядышком прилегла? Или ты, может, предлагаешь жить втроем?

— Хватит уже из себя униженную и оскорбленную корчить! Пообижалась, и будет! Мы домой едем! — муж вновь сильно схватил меня за руку и потянул к парковке.

— Пусти! Я кричать буду!

— Плевать! Ты моя жена. Я имею право.

— Пусти! — заорала я громче, отбиваясь. — Помогите!

Эта сцена явно привлекла охрану фирмы. Из здания вышли два высоких накачанных парня, которых я знала в лицо — они всегда дежурили на входе.

— Эй, мужик! — один из них обратился к Толику. — А ну отпусти ее.

— Не лезь, пацан! Со своей женой я сам разберусь, — огрызнулся муж.

— Дядя, тебе кажется, культурно сказали, чтоб женщину отпустил, — добавил второй, делая шаг вперед.

— Да пошел ты на... — завернул Толик нецензурную брань и дернул меня еще сильнее.

Краем глаз заметила вышедшего из здания начальника охраны, который тоже направился к нам. В этот же самый момент парни в мгновение ока скрутили Толика, да так шустро, что я и опомниться не успела, как оказалась свободной от его хватки.

Подошедший Шайлимов оттеснил меня подальше.

— Светлана Витальевна, зайдите внутрь и не выходите,

пока я не скажу.

— Но, Марат Ильнусович, он...

— Не волнуйтесь вы так за него. Обещаю, будет цел, — усмехнулся начальник охраны, подтолкнув меня ко входу. — Идите, идите. Не нужно вам на это смотреть.

Тем временем охранники уже надежно держали моего мужа, который всячески пытался сопротивляться — брыкался, ругался, плевался. Заметив, что я собралась уходить, он озлобился еще больше.

— Ах ты, тварь! Решила меня бросить? Значит, когда на мои деньги жила, то тебя это устраивало. А как небольшая размолвка, так тут же хвостом вильнула? Где твоя благодарность, Света?

— Хватит уже молоть чушь! — я развернулась к нему, чувствуя, как во мне закипает злость. — На твои деньги? Да ты что, забыл, кто тянул твою фирму первые пять лет, пока ты в запой уходил? Забыл, кто кредиты на себя брал, когда у тебя клиенты уходили? Забыл, кто ночами отчеты за тебя делал? Это ты на мои деньги жил, Толя!

— Врешь!

— Это ты мне изменил, а не я! Так что больше я с тобой жить не буду! Я на развод подаю завтра же!

— Да кому ты нужна? — орал муж. — Посмотри на себя. Старая, никому не нужная...

— Это уже не твое дело, — мой голос был совершенно безэмоциональным. Слова больше не задевали. Я вдруг по-

няла, что все, что он говорит — это просто его боль, его страхи, его неуверенность. Он боится остаться один. Но это больше не моя проблема. — Лучше о своей секретутке позаботься, а я и без тебя не пропаду. Жила как-то до тебя, проживу и после.

— Ну-ну! — скривился Толик. — Ты еще сама ко мне приползешь! А я подумаю, принимать тебя обратно или нет.

— Умирать буду, но к тебе никогда и ни за что не приду! — бросила я и, развернувшись, почти побежала ко входу.

На негнущихся ногах я вошла в здание. Меня всю трясло. Господи, и с кем я столько лет жила? Как не замечала, какое он все-таки ничтожество? Или замечала, но закрывала глаза, надеялась, что изменится, что это пройдет? Сколько можно обманывать себя?

— Светлана Витальевна, милочка, а ну-ка садись, — усадила меня на скамейку у проходной наша уборщица Нина Павловна — добрая женщина лет семидесяти, которая работала в компании с самого ее основания и знала всех как облупленных. — Ща водички тебе принесу.

— Спасибо, Нина Павловна, — поблагодарила женщину, стараясь унять дрожащие руки.

Надо успокоиться. Если я и дальше буду так остро реагировать на Толика, то недолго до инфаркта. А я ему такого удовольствия не доставлю. Буду жить назло. Буду счастлива назло. Пусть знает, что не сломал меня.

— Держи, милая. Пей, — Нина Павловна протянула мне

стакан воды.

— Фу! — скривилась я. Вода была горьковатой.

— Не «фу». Я тебе капельки туда успокоительные накапала. Натуральные, валерьяночка. Пей, милая, пей, — уговаривала меня Нина Павловна, словно маленькое дитя. — Все пройдет, солнышко. Все беды пройдут. Бог любит праведников.

— Спасибо, — я послушно выпила, чувствуя, как тепло разливается по телу.

Капли и правда немного помогли, правда лишь до того момента, пока я не заметила, что на улице появился мой начальник. Олег Гурьянов. Вот только его мне сейчас не хватало!

Он вышел из машины, решительный, злой — я видела это по его походке, по сжатым кулакам. Он что, тоже приехал? Зачем?

Становилось понятно, что с появлением Гурьянова ситуация накалилась еще больше. Было видно, что их с Толиком разговор явно проходил на повышенных тонах — я не слышала слов, но видела, как они жестикулируют, как приближаются друг к другу, пока в конце концов не последовал удар.

Мой босс ударил моего мужа.

— Господи... — всплеснула руками Нина Павловна. — Что ж творят-то?

Я подскочила с места и ринулась к двери.

— Светлана Витальевна, — остановил меня дежуривший на проходной охранник, — вам не стоит туда ходить.

— Они поубивают друг друга! — попыталась обойти мужчину, но он надежно преградил мне путь.

— Не беспокойтесь, ничего вашему мужу не сделают. Наш начальник — человек сдержанный. Но если вы выйдете, то можете спровоцировать еще большую ссору.

— И то правда, — подошла Нина Павловна и мягко, но твердо взяла меня под руку. — Ну куда ж ты собралась? Еще и тебе перепадет. У мужиков свои разборки. Сиди тут и не выходи.

Пока они меня удерживали, Гурьянов уже направился в нашу сторону. Я видела, как он отряхнул руки, как поправил пиджак — и внутри у меня все перевернулось.

Неужели из-за меня?

Войдя в здание, он первым делом подошел ко мне, внимательно осматривая — с ног до головы, будто искал повреждения.

— Вы как? Он, надеюсь, не тронул вас? — спросил Олег Юрьевич, и в его голосе звучала такая искренняя тревога, что у меня перехватило дыхание.

— Нет, Олег Юрьевич. Толик хоть сейчас и не совсем в себе, но руку на меня поднимать никогда себе не позволял, — ответила я, хотя на внутренней стороне предплечья уже проступил синяк от его хватки. — Я вообще удивляюсь, как он до такого докатился.

— Все когда-то бывает впервые, а может, вы просто его плохо знали, — сказал Олег Юрьевич, и в этом коротком предложении было столько невысказанного, что я смутилась.

— Вы простите меня за эту сцену. Я не хотела доставлять неудобств ни вам, ни компании.

— Светлана, не извиняйтесь, — он впервые назвал меня по имени, без отчества, и это прозвучало так... интимно. Так, будто мы были не начальник и подчиненная, а что-то большее. — Вижу, вы уже собрались с вещами. Давайте я вас отвезу.

— Не стоит, правда. Я сама прекрасно доберусь, — постаралась убедить Гурьянова, но тот был непреклонен.

— И куда вы в таком состоянии? К тому же ваш муж еще здесь, — он кинул взгляд на улицу, где Серебрянский все еще о чем-то спорил с охранниками, размахивая руками. — Он может подстеречь вас, и тогда все начнется заново.

— Ничего страшного. Не скрываться же мне от него, — бросила беглый взгляд на уже притихшего мужа, которого охрана оттеснила на парковку.

— Все же я настаиваю! — Олег Юрьевич взял меня за локоть — осторожно, но твердо. — Пойдемте.

Мне ничего не оставалось, как принять предложение. Или сделать вид, что принимаю. Решила, что выйду, сяду в машину, а потом как-нибудь улизну. Не хватало еще, чтобы меня видели с начальником.

Об этом я пожалела сразу же, как только мы вышли на

улицу.

— А-а-а-а-а! — протянул Толик мерзко, заметив нас. Глаза его налились кровью, лицо перекошилось от злобы. — Вот оно значит как?! Еще и меня пытаешься выставить не пойми кем, шлюхой последней! А сама уже хахаля себе нашла! Прямо с начальником, да? Пока я с секретаршей, ты с боссом? Мы квиты, Светка!

Гурьянов хотел было что-то ответить — я видела, как напряглись его мышцы, как сжались кулаки, — но я машинально схватила его за руку.

— Пожалуйста, Олег Юрьевич, не надо. Пусть говорит, что хочет. Он провоцирует вас. Если вы ударите его еще раз — он подаст заявление, может заявить о превышении полномочий. Не надо.

По напряженным мышцам начальника было заметно, что сдержаться ему сложно. Очень сложно. Но все же он решил меня послушать, за что я была ему безмерно благодарна. Он кивнул — едва заметно — и повел меня к машине, игнорируя выкрики мужа.

Дойдя до автомобиля, он открыл для меня заднюю дверцу, а сам обошел с другой стороны. Я думала, что он сядет впереди, рядом с водителем, но он почему-то занял место рядом со мной, на заднем сиденье.

И от этого его запах — дорогой парфюм, смешанный с едва уловимым ароматом табака и чего-то еще, мужского — ударил в голову.

— Надеюсь, вы сейчас не домой собираетесь? — глядя куда-то вперед, спросил Гурьянов.

Я же неосознанно начала заламывать заледеневшие от нервного напряжения пальцы.

— Нет.

— Так куда едем?

— В гостиницу. Тут рядом, — назвала я адрес той же гостиницы, где ночевала вчера. Ближе не было.

Машина плавно тронулась с парковки. Только сейчас решилась повернуть голову в сторону стоявшего на улице мужа. Его лицо, перекошенное злобой, смотрело нам вслед. Он что-то кричал, но слов уже не было слышно.

— Светлана, не считите, что я лезу не в свое дело, но я не могу не спросить, — начал Гурьянов, стараясь говорить максимально мягко. — У вас есть деньги? Гостиница — не дешевое удовольствие, а судя по всему, вам нужно будет где-то жить какое-то время.

— Есть, — стушевавшись, промямлила я, вытаскивая кошелек из сумки. Внутри лежали остатки зарплаты — тысяч двадцать, не больше. — К тому же я там не собираюсь задерживаться. Сейчас заберу вещи и к сыну поеду. Просто вчера не стала его беспокоить на ночь глядя, — зачем-то начала оправдываться я.

— То есть вам после гостиницы надо на другой адрес? — уточнил начальник.

— Да, но вы не беспокойтесь. Я сама прекрасно доберусь.

Высадите меня у гостиницы, а я такси вызову.

— Я и не сомневаюсь, что доберетесь! — хмыкнул Гурьянов. — Но все же будет лучше, если я вас довезу. Да и мне спокойнее, — добавил уже тише.

Мне стало как-то неловко. Да и вообще, ему какое дело? Он мой начальник, а не отец и не муж. Почему он так печется обо мне?

Как только машина остановилась у гостиницы, я быстро выпорхнула и поднялась на нужный этаж. Чемодан был собран еще с утра, поэтому много времени ждать меня не пришлось. Я схватила его, спустилась вниз и уже через пять минут была вновь в машине.

— Так куда теперь?

Назвала адрес сына. Коли. Старшего. Юра жил в другом конце города, и ехать к нему было далеко, а к тому же он был холост, работы много, у него и своих забот хватает. Я решила — сначала попробую у Коли. Алла, конечно, будет недовольна, но Софа обрадуется. А ради внучки можно и потерпеть.

Я решила взглянуть на Гурьянова.

— Спасибо вам.

— За что? — удивился Олег Юрьевич.

— За то, что помогаете мне. За то, что не прошли мимо.

— Считайте, что это обязанность руководителя. Как я мог пройти мимо, когда с моим сотрудником так поступают? — Он немного помолчал, потом добавил: — Не хотите расска-

зять, что у вас произошло? Может, я могу чем-то помочь, кроме того, что подвозить.

— Простите, но я не думаю, что это уместно, — тихо ответила я.

Мне показалось, что мой ответ не совсем устроил Гурьянова, но он не стал настаивать. Оставшийся путь до дома сына мы проехали молча. Тишина напрягала, поэтому я старалась найти за стеклом автомобиля хоть что-то, что могло бы отвлечь: витрины, прохожих, деревья. Напряжение, повисшее в воздухе, казалось, можно было резать ножом.

— Приехали, — сообщил водитель, останавливаясь у знакомой панельной девятиэтажки.

— Еще раз спасибо. И простите, что втянула вас в это, — сказала я, берясь за ручку двери.

Покинув машину, поспешила к подъезду. Пальцы дрожали, когда набирала код домофона.

— Подождите! — услышала я голос Гурьянова.

Слегка притормозила, обернувшись. Он вышел из машины и шел ко мне.

— Вы что-то хотели?

— Чемодан, — усмехнулся начальник. — Или он вам уже не нужен? Будете спать на голом полу?

— Ой... Совсем все повылетало у меня из головы, — я прижала ладони к щекам — горели.

Водитель открыл багажник, из которого Олег Юрьевич ловко достал мою поклажу.

— Может быть, я все-таки провожу вас до квартиры? А то вдруг потеряетесь? — уже во всю издевался он надо мной.

— Не дожидетесь! Спасибо за помощь, — подхватив чемодан, я продолжила путь.

Гурьянов не торопился уезжать. Он все так же стоял около машины, облокотившись на нее и сложив руки на груди. Я чувствовала его взгляд спиной — тяжелый, внимательный, изучающий.

Что-то внутри не давало покоя, когда я нажала кнопки домофона.

Внутри подъезда щелкнул замок. Я потянула тяжелую дверь на себя, втащила чемодан в тамбур и поднялась на третий этаж. Сердце колотилось — не от подъема, а от предчувствия. Что-то было не так.

Позвонила в квартиру сына.

Никто не открыл.

Позвонила еще раз. Тишина.

Я достала телефон, набрала номер Коли. Гудки. Долгие, тягучие. Наконец, ответили.

— Мам? — голос сына был каким-то странным, напряженным.

— Коль, я у твоей двери. Открывай.

— Мам, ты чего? — удивился он. — А... мы не ждали.

— Я же говорила, что приеду.

— Да, но... тут Алла приболела. И вообще, неудобно как-то.

— Коля! — мой голос стал жестче. — Открывай дверь. У меня чемодан. Мне некуда больше идти.

В ответ — молчание. А потом звук открываемой двери.

Коля стоял на пороге, такой же, как всегда — высокий, светловолосый, с моими глазами. Но выражение лица было чужим. Он смотрел на меня так, будто я была не матерью, а назойливой попрошайкой.

— Мам, тут такое дело... — начал он, перекрывая собой проход. — Алла действительно заболела. Мигрень, давление. Врач сказал — полный покой. А с тобой и чемоданом... Ну, сама понимаешь, лишний стресс.

— Коль, я не буду мешать. Я помогу, суп сварю, с Софой посижу...

— Мам! — он повысил голос. — Тебе лучше домой поехать. К отцу. Помиритесь.

— То есть ты меня гонишь? — я не хотела верить, что родной сын решил так со мной поступить.

— Ну что ты такое говоришь? Никто тебя не гонит! Просто... у нас семья, мам. У нас свои порядки. Алла хозяйка в этом доме. Она сказала — никаких гостей.

— Я не гостя! Я твоя мать!

— И поэтому ты должна понимать! — отрезал Коля. — Папа звонил, все рассказал. Сказал, что ты накручиваешь себя, что ничего такого не было, что ты просто устала и сорвалась.

— И ты поверил ему? — прошептала я.

— А что мне было не верить? Он мой отец. Он говорит, что любит тебя, что не хочет развода. А ты... ты пришла с чемоданом и хочешь разрушить нашу семью.

— Разрушить? — во мне закипала такая обида, такая боль, что перехватило дыхание. — Это он разрушил, Коля. Он изменил мне! У меня на глазах! На моем юбилее! А ты... ты встаешь на его сторону?

— Мам, ну что ты такое говоришь? Я ни на чьей стороне. Я просто хочу, чтобы вы помирились. Вы столько лет вместе. Нельзя же все рушить из-за какой-то дурацкой ошибки.

— Какой ошибки? Он целовался с ней, Коля! Я видела! И твой отец не отрицал! А ты... ты предпочел поверить ему, а не мне? — голос мой сорвался.

— Мам, не надо истерики, — Коля отвел взгляд. — Ты просто... отдохни. Поживи у Юры. У него места больше.

— А у тебя, значит, для матери места нет? — я смотрела на сына и не узнавала его. Мальчик, которого я носила на руках, которого лечила от ветрянки и ангины, которому помогал с уроками, собирала в первый класс — этот мальчик стоял передо мной и смотрел чужими глазами.

— Мам, не дави на жалость, — буркнул Коля. — У всех свои проблемы. У нас ремонт скоро, Алла болеет, Софу в школу водить надо...

— А я, значит, лишняя?

— Я такого не говорил.

— Но ты так поступил, — я подхватила чемодан. — Про-

щай, сын.

— Мам! — он сделал шаг ко мне, но я отступила.

— Иди к жене. Она, наверное, уже в обморок упала от мигрени, пока ты с матерью разговариваешь, — бросила я и пошла к лифту.

— Мам, ну не обижайся! — крикнул он мне вслед.

Но я уже не слушала.

Я спустилась на первый этаж, вышла из подъезда, и только там, на улице, дала волю слезам. Они лились градом, размывая остатки косметики по лицу.

Сын предал.

Не муж — с мужа я уже списала счета. Коля, мой старший, моя гордость, мой мальчик — он выбрал отца. Он поверил отцу. Он выставил меня за дверь, как надоевшую родственницу.

Я пошла по тротуару вдоль дома, совершенно ничего не видя и не слыша. Слезы уже не было сил сдерживать, и они лились по щекам нескончаемым потоком. Был только ветер, холод, и эта дикая, разрывающая изнутри боль.

Вздрогнула лишь когда рядом раздался громкий сигнал автомобиля.

— И куда вы пошли, Светлана Витальевна? — из окна остановившейся машины выглянула голова Гурьянова.

Я была настолько подавлена, что не смогла ему даже ответить. Слова застревали в горле, язык не слушался. Я просто стояла и смотрела на него, как будто видела впервые.

Предательство сына оказалось куда большее, чем измена мужа.

Толика я могла ненавидеть. Могла вычеркнуть из жизни. Но Коля? Сын, которого я растила двадцать пять лет, которому отдавала себя без остатка? Как можно вычеркнуть сына?

Между тем мужчина покинул салон и обошел машину.

— Миш, багажник открой.

Забрав мой чемодан, он погрузил его обратно в автомобиль.

— Что вы делаете? — сквозь рыдания все же спросила я. Голос звучал чужой, сиплый, надорванный.

— Разве не видно? Вещи ваши грузу, — даже не обернувшись на меня, Гурьянов закончил со своим занятием и захлопнул крышку багажника. — Садитесь.

— Зачем? — задала я, наверное, самый главный вопрос, утирая хлюпающий нос тыльной стороной ладони.

Олег Юрьевич посмотрел на меня как на полную дуру. Или как на очень уставшего ребенка, который не понимает очевидных вещей.

— Домой поедем, — просто сказал он и открыл передо мной заднюю дверцу. — Так и будем стоять и мерзнуть? Или уже сядем в теплую машину и поедем?

— Я домой не поеду, — всхлипнув, упрямо заявила я. — Вытащите мой чемодан!

— Не заставляйте меня силой запихивать вас в салон.

Сядьте!

Вид у Гурьянова был весьма грозный — глаза потемнели, челюсть сжата, — а сил спорить у меня совсем не было. Покосившись на него в надежде, что тот смирится, я лишь получила легкое подталкивание в спину.

Я села в машину.

И только сейчас ощутила, насколько же я успела замерзнуть. Водитель, явно обученный предугадывать любое желание своих пассажиров, прибавил печку на полную. Гурьянов обошел авто и сел рядом с водителем на пассажирское сиденье.

— Куда ехать, Олег Юрьевич? — деловито уточнил водитель.

Мужчина обернулся ко мне, не торопясь с ответом.

— Отвезите меня, пожалуйста, в ближайшую гостиницу, — севшим от истерики голосом попросила я, удобнее устроившись на сиденье.

Начальник что-то тихо сказал водителю — я не расслышала, но увидела, как Миша кивнул — и тот вывернул руль, аккуратно выезжая со двора.

Машина плавно ехала в городском потоке, слегка покачиваясь на неровностях асфальта. Теплый воздух, тихая музыка, мерное покачивание — все это действовало успокаивающе.

Я настолько устала морально и физически, что даже не заметила, как заснула.

На плече Олега Гурьянова.

Глава 4

Светлана...

Проснулась я от того, что меня кто-то нес.

Нес на руках.

Сначала я подумала, что это сон. Ну какой нормальный человек будет меня носить? Я же не принцесса, не больная. Я — тетка под сорок пять, с синяками под глазами и чемоданом проблем за спиной.

Но тепло, исходящее от мужского тела, было слишком реальным. И запах — дорогой парфюм, кожа, кофе и еще что-то, что заставляло сердце биться быстрее, — тоже был настоящим.

Я открыла глаза.

И увидела лицо Олега Гурьянова в нескольких сантиметрах от своего.

Он смотрел прямо перед собой, не на меня, но я успела заметить, как напряжены его скулы, как твердо сжаты губы. Он нес меня легко, будто я ничего не весила, хотя я знала, что это не так.

— Вы... — прошептала я, и голос прозвучал хрипло, со сна.

Он опустил взгляд. В его глазах было что-то, что заставило меня замереть — какая-то глубокая, давно сдерживаемая

нежность.

— Проснулись? — спросил он тихо. — Не бойтесь. Мы почти пришли.

Я хотела спросить, куда «мы пришли», хотела потребовать, чтобы он поставил меня на землю, хотела сказать, что это неприлично, неуместно, неправильно.

Но вместо этого я положила голову ему на плечо и закрыла глаза.

Потому что мне было тепло. Потому что я была в безопасности. Потому что впервые за последние сутки я не чувствовала себя одинокой.

Вокруг меня что-то происходило — открывались двери, лифт гудел, слышались чьи-то шаги. Я слышала, как Гурьянов поздоровался с кем-то, как послышалось удивленное «Олег Юрьевич?», как он ответил: «Тс-с, не будите».

Потом мы вошли в квартиру, и я почувствовала запах дома — не квартиры, а именно дома. Дорогая мебель, книги, кофе, и еще — женские духи. Чьи-то. Я напряглась, но Гурьянов прошел дальше, открыл какую-то дверь и осторожно опустил меня на кровать.

— Отдыхайте, — сказал он. — Завтра поговорим.

И ушел, погасив свет.

Я лежала в темноте, на чужой постели, в чужой квартире, и не понимала, как я здесь оказалась. И главное — зачем все это Гурьянову?

Он что, спит со всеми сотрудницами, попавшими в беду?

Вряд ли. За ним такого не водилось, сколько я его знала — всегда один, всегда собран, всегда холоден с женщинами.

Для чего я ему?

Ответа не было.

Усталость взяла свое, и я снова провалилась в сон. Но теперь он был спокойнее — без кошмаров, без лиц Толика и Полины. Просто темнота, тепло и чувство защищенности, которого у меня не было так давно, что я и не помнила.

Утром меня разбудил свет.

Тот самый, когда солнце бьет прямо в глаза, а шторы кто-то забыл задёрнуть. Я зажмурилась, потом открыла глаза и уставилась в незнакомый потолок. Белый. Высокий. С лепниной по краям.

Где я?

События вчерашнего дня вернулись резко, как удар под дых. Ресторан. Толик. Полина. Гостиница. Работа. Приезд к сыну. Его отказ. И Гурьянов, который...

Господи.

Гурьянов привез меня к себе домой.

Я села на кровати, оглядываясь. Спальня была большой, но не кричаще роскошной. Дорогая мебель темного дерева, тяжелые портьеры на окнах, на стенах — несколько картин в рамках. Никаких семейных фотографий, никаких безделушек. Мужская спальня. Холодная. Пустая.

И кровать — огромная, на которой я спала одна, но вторая

подушка рядом была помята. Кто-то спал рядом со мной.

Сердце ухнуло вниз.

Я откинула одеяло — я была в своей одежде, той самой, вчерашней, мятой и несвежей. Гурьянов не прикасался ко мне, не раздевал, не...

Фух.

Но рядом лежал.

Спал в одной постели с женщиной, которую привез с улицы.

Что это должно значить?

В соседней комнате заиграла громкая музыка — тяжелый рок, гитары, крики. Я вздрогнула. В этом доме была не только спальня Гурьянова. Здесь кто-то был еще.

Я встала с кровати, одернула кофту, пригладила волосы руками — выглядела, наверное, ужасно. Нашла свои туфли, которые кто-то аккуратно поставил у кровати, обулась и вышла из спальни.

Квартира оказалась огромной. Гостиная с высокими окнами, кухня, вся в белом и дереве, длинный коридор, уходящий куда-то вглубь. И запах кофе — свежего, только что сваренного.

Я пошла на запах и на звуки — на кухне кто-то гремел посудой.

— Доброе утро, — раздался голос за моей спиной, и я обернулась.

Гурьянов стоял в дверях кухни. Он был в джинсах и про-

стой черной футболке — и выглядел в этом совсем не так, как в офисе. Домашний, расслабленный, с чуть взлохмаченными волосами.

И невероятно красивый.

Я сглотнула.

— Доброе утро, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Олег Юрьевич, я...

— На кухню иди, — перебил он меня, кивая в сторону двери. — Кофе будешь?

— Буду, — ответила я растерянно.

Я прошла на кухню и села за большой деревянный стол. Гурьянов поставил передо мной чашку ароматного кофе — черного, без сахара, так, как я любила.

Откуда он знает, как я пью кофе?

— Спасибо, — сказала я, обхватив чашку руками, чтобы согреться.

— Не за что, — он сел напротив, отпил из своей чашки, глядя на меня поверх ободка. Взгляд был тяжелым, изучающим, но не пугающим. Скорее — тревожным. — Выспались?

— Да. Спасибо. И... простите, что доставила вам столько хлопот. Я не должна была...

— Светлана, — он перебил меня, назвав по имени, отчего у меня мурашки побежали по спине. — Перестаньте извиняться. Вы ничего не должны. Я сам предложил помощь.

— Но зачем? — спросила я то, что мучило меня всю ночь. — Вам-то какое дело? Мы с вами даже не друзья. Мы на-

чальник и подчиненная. Почему вы...

— Потому что не могу иначе, — сказал он глухо. — Потому что видеть вас в такой боли — выше моих сил.

Я замерла.

Что он сказал?

Он отвел взгляд, допил кофе, поставил чашку на стол.

— Я знаю, что ваш муж изменил вам. И знаю, что вы хотите развода. Марат мне вчера все рассказал.

— Он не имел права! — возмутилась я.

— Имел. Я его начальник. Он делает то, что я прошу, — спокойно ответил Гурьянов. — А я попросил его узнать, что с вами случилось, потому что... потому что я беспокоился.

— Вы всегда так беспокоитесь о своих сотрудницах? — спросила я с вызовом.

Он посмотрел на меня — прямо, открыто, без тени улыбки.

— Нет. Только о вас. Всегда только о вас.

— Я не понимаю, — прошептала я, хотя, кажется, начала понимать слишком много.

— И не надо, — он встал из-за стола, обошел его и сел на стул рядом со мной. Близко. Так близко, что я чувствовала его тепло. — Пока просто примите как факт: вы мне небезразличны. И я хочу вам помочь.

— Но зачем вам это? — спросила я тихо. — Что вы с этого имеете?

— Ничего, — он пожал плечами. — Кроме, может быть,

возможности спать спокойно, зная, что вы в безопасности.

— Олег Юрьевич...

— Олег, — поправил он. — Здесь, дома, я не ваш начальник. Я просто человек по имени Олег, который... который не может пройти мимо.

Я замолчала.

Он встал, подошел к плите, включил огонь под сковородой. Начал готовить завтрак — яйца, бекон, тосты. Делал все уверенно, привычно, не спрашивая, хочу я есть или нет. Просто ставил передо мной тарелку, будто это было само собой разумеющееся.

— Ешьте, — сказал он. — Вам нужно поддерживать силы.

— Спасибо, — я послушно взяла вилку.

Еда была вкусной. Очень. Я не ожидала, что Гурьянов умеет так готовить. Толик, например, даже яичницу сжечь мог.

— Я могу пожить у сына, — начала я, когда тарелка опустела. — Младшего. Юры. Он холостой, у него места много.

— Можете, — согласился Гурьянов. — Но если хотите — можете пожить здесь.

Я подняла на него изумленный взгляд.

— Что, простите?

— Здесь, — повторил он спокойно. — У меня. Комнат много, я не стесню. Елена Федоровна — домработница — убирается, готовит, так что вы ничем обременены не будете. А до работы — пять минут на машине.

— Вы предлагаете мне жить у вас? — уточнила я на всякий случай, думая, что ослышалась.

— Предлагаю.

— Но зачем?

— Я же сказал: чтобы быть уверенным, что вы в безопасности. И чтобы... — он запнулся на секунду, — чтобы вы не оставались одна. Я знаю, как это тяжело — когда рушится жизнь. Сам через это проходил.

Я вспомнила слухи, ходившие по офису, — жена Гурьянова погибла в аварии много лет назад. Он остался один с маленькой дочерью.

— Ваша жена, — начала я осторожно, — она...

— Погибла, — подтвердил он сухо. — По моей вине. Я был за рулем.

Боль в его голосе была такой острой, такой настоящей, что у меня перехватило дыхание.

— Простите, — сказала я.

— Пережил, — он тряхнул головой, отгоняя воспоминания. — Так что я понимаю, каково это — когда привычный мир разлетается на куски. И я знаю, что в такие моменты нужен кто-то рядом. Хотя бы для того, чтобы напомнить, что жизнь продолжается.

— Вы очень добры, — тихо сказала я. — Но я не могу. Я не хочу быть обузой.

— Вы не будете обузой, — он усмехнулся. — Я вообще редко дома бываю. Работа, командировки, дочь иногда при-

езжает. В основном вы будете предоставлены самой себе.

— Дочь? — переспросила я.

— Да. Дарья. Двадцать лет. Учится в Сочи, иногда прилетает. Сейчас как раз гостит.

А, вот чьи духи я учуяла. Не любовницы — дочери.

— Она не будет против? — спросила я с сомнением.

— Ей все равно, — отмахнулся Гурьянов. — Она в своем мире. Вас даже не заметит.

— Все равно, — я покачала головой. — Это неправильно. Что люди подумают? Что я живу у начальника...

— А вы расскажите им правду, — предложил он. — Что ваш муж вам изменил, что сын выгнал, что вам негде жить, а я как порядочный человек предложил временное убежище.

— Нет! — воскликнула я. — Я не хочу, чтобы все знали! Это унижительно.

— Тогда придумаем легенду, — спокойно сказал Олег. — Скажем, что мы старые друзья. Или дальние родственники. Или что я сдаю вам комнату.

Я задумалась.

Первый вариант — ехать к Юре. Он, в отличие от Коли, всегда был на моей стороне. Но у него своя жизнь, молодой человек, ему не до матери. Да и навязываться не хотелось.

Второй вариант — снять квартиру. Но где взять деньги? Моей зарплаты хватит разве что на комнату в общежитии.

Третий — остаться здесь. В чужом, но безопасном месте. Рядом с человеком, который по какой-то непонятной причи-

не хочет мне помочь.

— Я подумаю, — сказала я наконец.

— Думайте, — кивнул Гурьянов. — Но имейте в виду: если ваш муж узнает, где вы живете, проблем не оберетесь. А здесь он до вас не доберется. Охрана на входе, сигнализация, я сам в случае чего...

— Вы меня охранять будете? — спросила я с легкой иронией.

— Да, — серьезно ответил он. — Буду.

И в этом «буду» было столько уверенности и силы, что я почти поверила.

Почти.

Позже, когда я уже приняла душ (Гурьянов выдал мне чистое полотенце и халат — свой, огромный, пахнущий им), и привела себя в порядок настолько, насколько это было возможно без косметики и сменной одежды, я вышла в гостиную.

Гурьянов сидел на диване с планшетом в руках, что-то читал. Увидев меня, он отложил планшет и поднялся.

— Вам нужно что-то из вещей? — спросил он.

— Да, — кивнула я. — В гостинице остался чемодан. И еще... мне нужно заехать в квартиру к мужу, забрать кое-что.

— Я съезжу, — сказал он.

— Нет! — запротестовала я. — Только не вы. Он вас

убьет.

— Не убьет, — усмехнулся Олег. — Но вы правы, встретиться нам пока не стоит. Я пошлю Марата.

— Марата Ильнусовича? — удивилась я. — Начальника охраны?

— Да. Он у меня multifunctional, — Гурьянов улыбнулся краем губ. — Может и адвоката изобразить, и водителя, и грузчика.

— Я не хочу никого напрягать, — покачала я головой.

— Светлана, — он произнес мое имя так, что я снова вздрогнула. — Вам нужно перестать отказываться от помощи. Вы не одна. И вы не обязаны все тащить на себе. Позвольте другим сделать что-то для вас.

— Но почему вы так добры ко мне? — спросила я, глядя ему прямо в глаза. — Я не понимаю. У нас не было ничего общего, мы даже не дружили. А вы... вы ведете себя так, будто я вам небезразлична. И не как начальник подчиненной. Как-то иначе.

Он молчал долго. Так долго, что я уже пожалела о своем вопросе.

— Потому что вы для меня не просто подчиненная, — сказал он наконец глухо. — Вы... вы много для меня значит, Светлана. Больше, чем должны. И если вы спросите почему — я не смогу ответить. Не сейчас. Но, может быть, когда-нибудь...

Он не договорил.

В этот момент входная дверь с грохотом распахнулась, и в квартиру влетела девушка. Молодая, красивая, с длинными светлыми волосами, в коротком платье и с недовольным лицом.

— Пап! — крикнула она, не глядя по сторонам. — Ты не согласишься, что эта дура Машка выкинула! Она...

Она замолчала, заметив меня.

— А это еще кто? — спросила девушка, скептически оглядывая мой халат и мокрые волосы.

— Даша, — Гурьянов встал, — это Светлана. Моя... знакомая.

— Знакомая? — Даша приподняла бровь. — Знакомая в твоём халате в девять утра? Пап, ты издеваешься?

— Она останется у нас на время, — сказал Олег твердо. — Это не обсуждается.

— Конечно, не обсуждается! — фыркнула девушка, сверкнув на меня глазами. — Когда это ты меня о чём-то спрашивал? У тебя всегда так: сначала решения, потом разговоры. Мама, бывало, хоть предупреждала, когда кого-то привести собиралась. А ты...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.